

РЕШЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ В БУРЯТИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX В.: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Доржиева О.В. ¹

¹ФБГУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН», Улан-Удэ, Россия (670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6), e-mail: imbt@burinfo.ru

Автором рассмотрены вопросы традиционного решения продовольственной проблемы у бурят, уделено значительное внимание изменению пищевой модели населения в связи с появлением в Прибайкалье и Забайкалье русских и начавшемуся межэтническому взаимодействию. На основе различных источников и анализа литературы произведена реконструкция произошедших в бурятском хозяйстве изменений. В статье сделан акцент на том, что присоединение Бурятии к России привело к встрече двух диаметрально противоположных культур оседлых земледельцев и кочевников–скотоводов. Хозяйство кочевников строилось на круглогодичном выпасе скота и постепенном освоении пастбищ, а земледельцы были заинтересованы в сохранении полей в течение всего года, так как зимой они засеивались озимыми. Но в условиях Бурятии русское земледелие и бурятское скотоводство оказались взаимодополняющими, взаимостимулирующими типами хозяйств, позволяющими максимально использовать экологические ресурсы региона.

Ключевые слова: продовольственная проблема, сельскохозяйственная специализация, скотоводство, продукты питания.

SOLVING OF THE FOOD PROBLEM IN BURYATIA IN XVIII - EARLY XX C.: TRADITIONS AND INNOVATIONS

Dorjjeva O.V. ¹

¹Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russia, (670047, Ulan-Ude, Sakhyanovoi str., 6), e-mail: imbt@burinfo.ru

The author considered the issues of traditional solution of the food problem of the Buryats; paid significant attention to changes of their food model due to appearance of the Russians in Baikal and Trans-Baikal region, and beginning of ethnic interaction. Changes in the Buryat economy connected with it's inclusion in economic life of Eastern Siberia were reconstructed on the base of different documentary sources and analyses of historical literature. The article focuses on the fact that joining of Buryatia to Russia led to meeting of two diametrically opposed cultures – settled farmers and nomadic shepherds. Nomadic economy based on the round-year cattle grazing and gradual mastering of all pastures, and farmers were interested in maintaining the fields throughout the year. In Buryatia, Russian agriculture and Buryat animal husbandry became mutually supplementing, stimulating types of economies, giving the opportunity to maximally use of environmental resources of the region.

Keywords: food problem, agricultural specialization, cattle-breeding, food.

В данной статье поставлена цель с применением методов исторического исследования – историко-генетического, компаративного, проблемно-хронологического – рассмотреть традиционное решение продовольственной проблемы у бурят, проследить процесс изменения пищевой модели населения в связи с присоединением Бурятии к России и попытаться реконструировать трансформации, произошедшие в бурятском хозяйстве.

Продовольственная проблема у каждого народа решалась в соответствии с этапами его становления и развития на определенной территории, под влиянием географической среды и природно-климатических условий и была связана с культурно-экономическим взаимодействием с другими этносами. Исторически сложившаяся система питания кочевников Центральной Азии, к числу которых относятся буряты, была построена на

строгом балансе мяса и молочных продуктов, дополнявшихся в небольшом количестве продуктами растительного происхождения, а также продуктами охоты и рыбной ловли, которые, однако, имелись не всегда.

Соотношение между потребляемым количеством мяса и молочных продуктов зависело от сезона хозяйственного года кочевников. Их было два: летний и зимний. «Первый длился с апреля до октября, охватывая полугодовой период от времени отела скота и до окончания его дойки. В рационе этого периода главенствующую роль играли молочные продукты, второе место отводилось мучным изделиям, и лишь третье место занимало мясо. Зимний рацион, более основательный, включал в себя, прежде всего, мясо домашнего скота, заготовленные еще летом различные типы сыров и масла, а также мучные изделия» [15].

Буряты разводили скот пяти видов (*табан хушуу*): лошадей, верблюдов, крупный рогатый скот (*коровы, яки, сарлаки*) и мелкий рогатый скот (*овцы и козы*). У разных групп бурят состав стада варьировался в зависимости от географической зоны, климата, состояния пастбищ и т.д. По свидетельству И.-Г. Георги, приведенному М.Н. Богдановым, «буряты ведут жизнь кочевую, а главное их упражнение есть скотоводство... Хоринцы зажиточнее всех бурятских племен, имеют весьма великие табуны лошадей и стада рогатого скота и овец, верблюдов и коз не так много...» [1]. В пищу шло мясо всех видов скота, но наиболее престижной считалась баранина. Мясо на зиму заготавливали осенью, забивая нужное для прокорма семьи количество голов домашнего скота с наступлением холодов. Одной семье на зиму требовалось мясо двух коров и одной лошади.

Другим, не менее важным, чем мясо, компонентом питания кочевого населения Центральной Азии были молочные продукты. Н.Л. Жуковской детально описана эта пища бурят [7]. Все молочные продукты, производившиеся в бурятском кочевом хозяйстве, делились на две основные группы: скоропортящиеся и долгохранящиеся. К первым относятся сливки (*сусгээ*), пенки (*урмээ*), простокваша (*тараг*), пресный сыр (*хурууд*) и безалкогольные молочные напитки. Они шли в пищу по мере изготовления. К долгохранящимся и ежегодно заготавливаемым на зиму продуктам относилось масло и несколько разновидностей сушеного творога. В настоящее время некоторые предприятия, занимающиеся выпуском консервированных молочных изделий, интересуются практическим опытом кочевников и даже пытаются его использовать.

Особый интерес представляет вопрос об употреблении кочевниками цельного необработанного молока. Письменные свидетельства об этом противоречивы. Так, о монголах XIII в. Плано Карпини пишет, что они пили кобылье, овечье, коровье и верблюжье молоко, не делая меж ними разницы, а Гильом Рубрук [13] и Киракос Гандзакети [5] говорят только о кумысе. На самом же деле, буряты и монголы употребляли цельное молоко в

ограниченном количестве. А с появлением чая весь запас свободного молока стали использовать для приготовления чая с молоком. Им была известна и перегонка молочной водки (*архи, тарасун*).

Растительная пища в системе питания кочевников по сравнению с мясной и молочной была незначительна по количеству, но необходима. Она восполняла в организме человека его потребности в растительном белке и крахмале. Первоначально вся растительная пища добывалась только путем собирательства – дикие злаки, лук, чеснок, ягоды, грибы, пряно-ароматические травы.

С присоединением Бурятии к России, с появлением в Прибайкалье и Забайкалье русского населения пищевая модель бурят стала постепенно, но существенно меняться. Встретившись с бурятскими племенами, русские обнаружили у них наряду со скотоводством и земледелие. Сообщения служилых людей свидетельствовали о том, что верхоленские, а отчасти и приангарские, буряты знали земледелие, производя в небольших размерах посевы проса, гречихи, ячменя. У бурят земледелие не только обеспечивало их скромное потребление, но и давало некоторые излишки, использовавшиеся для обмена с эвенками [8].

Как отмечает С.Г. Жамбалова, «присоединение Бурятии к России привело не просто к совместному дисперсному расселению бурят и русских на одной территории. Здесь помимо всего другого встретились две диаметрально противоположные культуры (оседлые земледельцы, кочевники – скотоводы). Эти типы хозяйства, с одной стороны, были несовместимы. Хозяйство кочевников строилось на круглогодичном выпасе скота с расчетом постепенного освоения всех пастбищ, а земледельцы были заинтересованы в сохранении полей в течение всего года, потому что зимой они были засеяны озимыми. Это несоответствие интересов порождало массу спорных вопросов о потраве пашен. С другой стороны, земледелие и скотоводство оказались взаимодополняющими, взаимостимулирующими типами хозяйства, позволяющими максимально использовать экологические ресурсы региона» [6].

В первое время с приходом русских, применявших плуг и другие сельскохозяйственные орудия, примитивное бурятское хлебопашество оказалось неконкурентоспособным. Хлеб стало выгоднее выменивать, чем производить самим. Бурятское земледелие исчезло, а потом вновь появилось позднее уже под русским влиянием. К примеру, балаганские буряты начали заниматься земледелием в 30-е гг. XVIII в., выращивая пшеницу, рожь и овес. Основной земледельческой базой Иркутской губернии, состоявшей из Иркутской, Нерчинской, Якутской и Охотской областей, стал Иркутский уезд. На втором месте по земледелию был Верхнеудинский уезд Иркутской области.

В конце XVIII – середине XIX в. земледельческое хозяйство бурят получило дальнейшее развитие. Это было связано как с успехами заселения региона, так и с улучшением снабжения земледельческого населения сельскохозяйственными орудиями – сошниками, серпами, косами. Развитию земледелия способствовал возраставший на сибирском рынке спрос на хлеб со стороны новых поселенцев, горожан, промыслового и заводского населения, местного населения, винокуренных заводов, воинских гарнизонов, рабочих золотых приисков. Забайкальские крестьяне, кроме того, выращивали хлеб для Приамурского края, пока в нем не наладилось в нужных размерах местное хлебопашество.

Земледелие развивалось и у хоринских бурят. По свидетельству летописца В. Юмсунова, хоринские буряты начали выращивать ярицу, пшеницу, овес и ячмень в конце XVIII в. [12]. В начале 40-х гг. XIX в. правительство административным путем стало внедрять картофель. В оседлых бурятских хозяйствах быстро оценили преимущество собственных огородов, сажали картофель, огурцы, помидоры, лук, морковь – все это стало постоянной составляющей пищевого рациона.

Распространение земледелия имело значение не только для самого бурятского хозяйства, но и для всей экономики края. Для середины XIX в. соотношение между русским крестьянским хозяйством и бурятским по Иркутской губернии характеризуется следующими данными, приведенными О.В. Бураевой [2]:

Посевы зерновых и картофеля у русских и бурят, четверти

Населения	<i>Озимые</i>	<i>Яровые</i>	<i>Картофель</i>
Всего	95733	346811	62583
Русские	70247	217425	47614
Буряты	25271	114853	10279

Как видим, уже в XIX в. озимые у бурят составляли почти четвертую часть всех посевов, яровых – третью часть, картофеля – шестую часть. Кроме того, было развито огородничество и табаководство. Табак в небольшом количестве для собственного употребления разводился почти повсеместно.

Изменения, произошедшие в бурятском хозяйстве, объяснялись медленным, но неуклонным включением его в экономическую жизнь Восточной Сибири. Развитие товарно-денежных отношений вызывало необходимость в повышении товарного хозяйства. Это становилось возможным лишь в результате перехода к земледелию, широкое распространение которого в XIX в. привело к превращению бурятского хозяйства в ряде районов в земледельческо-скотоводческое.

Государство наделяло крестьян в Сибири пахотными и сенокосными угодьями, размер которых зависел от возможностей самого крестьянина и его семьи. Если крестьянин заводил хозяйство за счет собственных сил и средств, то ему давалась двух–трех, редко

пятигодичная льгота в уплате податей в пользу государства. Если государство помогало деньгами, скотом, семенами, сельскохозяйственными орудиями, то владелец такого хозяйства не получал льготной отсрочки в уплате податей. Размер податей зависел от размера хозяйства. На четыре десятины (десятина – чуть больше современного гектара) «собинных» (собственных) посевов сибирский крестьянин был обязан возделывать одну десятину государственных посевов, т.е. он обязан был сдавать в государеву казну 1/5 часть полученного хлеба. Натуральная подать хлебом являлась основной обязанностью сибирского крестьянина.

Правительство проводило целенаправленную политику по увеличению хлебопашеского населения Байкальской Сибири, и одним из основных компонентов, составлявших русское сибирское крестьянство, стали ссыльные. Помимо крестьян сельским хозяйством в целях самообеспечения должны были заниматься все остальные категории русского населения: служилые люди, промышленные (занятые на различных промыслах), «гулящие» (без определенных занятий) люди, купцы и чиновники всех рангов. Последние две категории использовали для работы в своем хозяйстве крестьян, в первую очередь, батраков, а также заводских рабочих.

Увеличение численности населения за счет естественного прироста и переселения из европейской части России вело к расширению обрабатываемых сельскохозяйственных угодий. Русские крестьяне были основными земледельцами края, на их долю приходилась большая часть производства продукции растениеводства: зерна, картофеля, овощей. Основной земледельческой культурой была яровая рожь, занимавшая больше половины посевных площадей. Преобладание ярицы объяснялось повышенным спросом на внутреннем рынке именно на этот хлеб: его потребляли сами крестьяне, основная часть городского населения, закупали интендантство для казенных нужд, в частности для войск, золотые прииски, винокуренные заводы. Из других злаковых культур возделывались пшеница и овес, в незначительной степени – озимая рожь, ячмень, просо, горох, гречиха. Все больше распространялся картофель, постепенно становившийся одним из основных продуктов питания.

Уступая западным бурятам в развитии земледелия, забайкальские буряты значительно превосходили их по наличию скота в хозяйстве. По данным подворной переписи 1897 г., на 100 душ населения у бурят Иркутской губернии приходилось 464 головы всех видов скота, в Забайкальской области – 1005 голов, у русских крестьян – в 2 раза меньше, чем у иркутских бурят [14].

В середине XIX в. в Забайкалье начались опыты по распространению породистых видов скота, в частности, в Усть-Кяхте купцом Игумновым – высокопродуктивных

молочных коров, в Селенгинске и Акше – тонкорунных пород овец. В конце XIX в. в Хоринской степи и близ Читы предприимчивые буряты пытались создать образцовые молочные фермы.

Жители городов, к примеру, Верхнеудинска, покупали хлеб, мясо и другие продукты в близлежащих русских деревнях и бурятских улусах. В то же время городские жители продолжали заниматься земледелием и содержали домашний скот. Для обеспечения скота кормами горожане занимались сенокосением. Земельные и сенокосные участки подвергались частым переделам. В 1823 г. верхнеудинские купцы Митрофан Курбатов, Яков Титов, Филипп Сотников, намереваясь купить все угодья, требовали отдать сенокосные места в городе в оброк. Однако встретили отпор со стороны мещанской части населения. В результате раздел произошел по всем существующим правилам. По разделу 543 пая получили мещане, 34 – цеховые и рабочие и только 16 – купцы [9]. Сельским хозяйством в то время занимались почти все жители городов. Без преувеличения можно утверждать, что это занятие было одной из ведущих отраслей в экономике городов Забайкалья.

В Верхнеудинске и других городах Забайкалья правительство разрешило открывать кабаки, заниматься пивной и винной продажей. Право преимущества «курить» вино имели служилые старших чинов – дети боярские, подъячие, таможенные и кружечные головы, целовальники. Винокурение было монополией государства и привилегированных лиц, и длительное время являлось составной частью земледелия. Выкурка спирта производилась в период сезонного перерыва сельскохозяйственных работ, она была выгодна также и тем, что позволяла использовать получаемую в виде отхода барду для корма скота.

В этот период увеличилось количество предприятий, перерабатывавших сельскохозяйственное сырье, в частности мукомольное производство, в Верхнеудинске работали салотопенные предприятия. В 1850-х гг. начинают работать сахарный, стекольный, маслостоловый заводы. На предприятиях преобладал ручной труд, это были, скорее, мастерские полукустарного типа с числом рабочих от 5 до 10 чел. Было немного предприятий, на которых использовался наемный труд. Из 35 ремесленных заведений Верхнеудинска (1895) лишь 7 имели от 2 до 5 наемных работников [4]. Очень мало заведений можно было отнести к мануфактуре. Все прочие предприятия оставались мелкотоварными «домашними заведениями», на которых работали главным образом «домочадцы» ремесленников.

Верхнеудинск оставался торговым городом, в котором с 1768 г. действовала ярмарка один раз в год, а с 1780 г. – два раза, зимой и летом. Верхнеудинская ярмарка была регулятором цен в Иркутской губернии и по своим торговым оборотам уступала только Иркутску. Сюда стекалось много торгующего населения из разных городов – Нерчинска,

Кяхты, Иркутска, Москвы, Нижнего Новгорода и др. Кроме промышленных товаров отечественного и иностранного производства на ярмарке продавались фрукты, перец, ладан, муку, пряники, овес, сахар, варенье, мед. Местное население сбывало рыбу, скот и др.

В конце XIX в. в европейской части России начался промышленный переворот. В Бурятии темпы хозяйственного развития были незначительными, но городская промышленность Верхнеудинска по своей экономической организации имела сложную структуру. Неустойчивость промышленности заставляла хозяев вести несколько разных производств. Так, например, купец И. Кравецкий в 1890-е гг. владел пивоваренными и мыловаренными заводами. Для эффективности производства промышленники Верхнеудинска заводили смежные для основного бизнеса предприятия, например, мукомольные и лесопильные («Сергеевское товарищество» и др.). Практиковалось изготовление сопутствующих товаров. Полный цикл производства представлял собой винокуренный завод Е.И. Кукель (арендатор Н.И. Голдобин). Здесь кроме спирта, производилась тара для его хранения (в бондарной мастерской изготавливали специальные бочки) и расфасовки (стекольный завод с суммой производства 22510 руб.), а также горшки для вара и кирпичи (гончарная мастерская, вырабатывавшая продукции на 4 тыс. руб.). Бутылки для розлива пива собственного производства выпускал А.К. Кобылкин. Его стекольный завод производил бутылок на 25 тыс. руб. в год. Такие комплексы были необходимым условием рационального использования сырья и маневрирования капиталами.

Ручной перемол зерна в домашних условиях оставался на протяжении веков принадлежностью индивидуальных крестьянских хозяйств. Со временем стали возникать мелкие ветряные и водяные мельницы, обслуживавшие местное сельское население и работавшие на давальческом зерне. Постепенно это производство было поставлено предпринимателями на солидную основу. Крупнейшие мукомольные предприятия Сибири, принадлежавшие верхнеудинскому купцу Нафтолию Капельману и Торговому дому «Братья Клейман и Родовский», стали постоянными поставщиками военного ведомства. Мука завода Капельмана была удостоена серебряной медали на первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставке в Омске в 1911 г., там же малую серебряную медаль получила продукция кондитерской фабрики верхнеудинца Пейсаха Родовского, а на международной выставке в Брюсселе она была удостоена высшей награды Grand Prix и большой золотой медали [10].

Среди пищевых производств, занятых переработкой сельскохозяйственного сырья, значительное место принадлежало маслобойному делу. В мануфактурах шла переработка конопли на текстиль и растительное масло, использовавшееся в хлебопечении и

продававшееся населению. Осенью на базаре можно было купить кедровое масло и так называемые «сбойни» – лакомство из жирных ореховых выжимок с сахаром в виде лепешек.

К числу древнейших относится и производство молочных продуктов. Различные способы изготовления кислого молока, творога, коровьего масла, сыра и кумыса применялись и бурятами, и русскими еще в давние времена.

Основой домашнего хозяйства являлось приготовление хлеба. Домохозяйки разносили по домам заварные калачи, производство которых освоили в совершенстве. Хлеб стоил 2 руб. 20 коп. Специально для базара станичные казачки пекли хлеб, калачи и булки.

Торговля не ограничивалась ярмарками. К началу XX в. в Верхнеудинске работал 21 бакалейный, 1 колониальный и 9 чайных магазинов. В 1912 г. в городе было 620 торговых предприятий различного типа с оборотом в 9,5 млн. руб. В 1913 г. работало 48 продуктовых, 1 смешанный магазин и лавки, предлагавшие покупателям свежую осетровую и омулевую икру, обскую стерлядь по 35 коп. за фунт, осетрину, нельму, уфимский сотовый мед, парижское сливочное масло, сахар по 28 коп. за фунт, булочную и кондитерскую продукцию и др. Большая часть населения покупала товары по более низким ценам на базаре, где можно было купить овощи, зелень, мясо, рыбу (хариуса, щуку, язя, ленка, налима, сига, тайменя).

Начало XX в. в истории Забайкалья и Предбайкалья стало переломным в плане социально-экономического развития. Факторами модернизационных процессов стали проникновение торгового капитала в деревни и улусы и развитие сельского предпринимательства. Дореволюционная Бурятия оставалась сугубо аграрным регионом. По состоянию на 1 января 1914 г., сельское население Забайкальской области составляло 85,9 %. Хозяйство бурят было преимущественно животноводческим: забайкальские буряты, составлявшие 28,1 % сельского населения области, владели 51,1 % всего скота; в Иркутской губернии бурятские хозяйства засеивали 18,1 % всех посевов губернии и владели 30 % всего скота [11].

Зажиточные, наиболее предприимчивые хозяева образовывали крупные, ориентированные на производство сельхозпродукции, хозяйства. Путем широкого применения наемного труда они сколачивали значительный капитал и вкладывали его в производство: организовывали мясомолочные хозяйства, разводили племенных лошадей, приобретали усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и машины, открывали в притрактовых селах и деревнях магазины и лавки, организовывали мелкие промышленные предприятия. Этот процесс происходил одинаково быстро как среди земледельцев, так и в среде скотоводов.

Углублялось социальное расслоение сельского населения, шел процесс образования кулачества и батрачества. По материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г., в

Забайкальской области 35,2 % хозяйств не имели рабочего скота и коров [3]. В Иркутской губернии каждое четвертое хозяйство не имело никакого скота. Широко использовался наемный труд, аренда земли, купля и продажа сельскохозяйственных продуктов.

Бурятия имела особенности, характерные для национальной окраины: многоукладность экономики, обилие пережитков. Наряду с ростками капиталистических отношений сохранялись элементы различных экономических укладов – патриархального, феодального, мелкотоварного. В условиях многоукладности экономики сосуществовали разные формы производств: от крестьянских водяных до частных паровых мельниц, от домашних патриархальных маслобоек до маслозаводов.

Список литературы

1. Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа / М.Н. Богданов. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2008. – 304 с.
2. Бураева О.В. Этнокультурное взаимодействие народов Байкальского региона в XVII – начале XX в. / О.В. Бураева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 212 с.
3. ГАЗК. Ф. 19. Оп. 3. Д. 224. Л. 319.
4. ГАРБ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 8052. Л. 14.
5. Гандзакеци К. История Армении / К. Гандзакеци. – М.: Наука, 1976. – 359 с.
6. Жамбалова С.Г. Скотоводство // Буряты / Отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2004. (663 с.). Серия «Народы и культуры». – С. 93–105.
7. Жуковская Н.Л. Пища и кулинарные традиции // Буряты / Отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2004. (663 с.). Серия «Народы и культуры». – С. 166–181.
8. Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России / Е.М. Залкинд / Отв. ред. Г.Н. Румянцев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 320 с.
9. История Улан-Удэ. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – 160 с.
10. Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 г.) / Л.В. Кальмина. – Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2003. – 422 с.
11. Курас Л.В. Западное Забайкалье в начале XX века: борьба за землю / Л.В. Курас // Гуманитарный вектор. Сер. История. – Чита, 2012. № 2 (30). – С. 97–104.
12. Летописи хоринских бурят. Вып. 1. Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова // Тр. Института востоковедения. Текст издал Н.Н. Поппе. Т. IX. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – 172 с.

13. Путешествие в восточные страны Плато Карпини и Рубрука / Ред., вступ. статья и прим. Н.П. Шастиной. – М., 1957. – 272 с.
14. Хрестоматия по истории Бурятии: Документы и материалы с древнейших времен до 1917 г. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. – 224 с.
15. Этнография питания народов стран зарубежной Азии. – М., 1981. – 256 с.

Рецензенты:

Бураева О.В., д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г.Улан-Удэ.

Васильева С.В., д.и.н., доцент кафедры истории отечества Бурятского государственного университета, г.Улан-Удэ.